

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

Время выполнения заданий первого тура — 180 минут

Уважаемые участники!

Перед Вами текст, который необходимо проанализировать. **Проведите его анализ, ответив на вопросы.** Ваши ответы должны опираться на текст и актуальные обществоведческие знания.

- 1.1. Приведите пять характеристик государства, которое М. Вебер определяет как «великую державу».**
- 1.2. О каком принципе построения международных отношений говорит Вебер? Выпишите из текста пять аргументов, которые подтверждают ваш ответ. При ответе избегайте избыточного цитирования текста.**
- 1.3. Какой принцип в выстраивании стратегии международных отношений традиционно противопоставляется принципу, о котором говорит автор? Назовите три ключевые характеристики, этой стратегии.**
- 1.4. Какая идея лежит в основе политики страны, знаменитой своими точными часами и надежными банками, с юга граничащей со страной, в которой родился М. Вебер? Каково отношение автора к тому, что южный сосед придерживается именно такой политики? Чем обусловлено это отношение?**
- 1.5. Помимо «принципа великодержавности», связанного с положением государства на международной арене, Вебер говорит еще об одном значимом основании существовании великой державы. Что это за основание? Не входят ли эти два принципа существования великой державы в противоречие? Свой ответ обоснуйте.**

*Макс Вебер
1916 год*

Я говорю не как партийный человек. Всякую политику рассматриваю лишь с национальной точки зрения. Особенно внешнюю политику, но вообще всю политику без исключения.

Сейчас много разговоров идет о «внутреннем единстве». Под этим подразумевается национальное единение исключительно во взгляде на внешнюю политику. Люди, позволяющие внутренним антипатиям влиять на нашу военную и мирную политику, не являются настоящими государственными деятелями, никакое внутреннее единство с ними невозможно.

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

Наше особое международное положение и наши внешние интересы должны определять нашу внешнюю политику.

Каковы же наши внешние интересы и каково наше особенное положение? Об этом хочу поговорить спокойно и академично, обращаясь исключительно к политическому мышлению, а не чувствам.

Наши внешние интересы в значительной части обусловлены чисто географически. Мы — государство-держава. Каждому государству-державе соседство другого государства-державы мешает свободно принимать политические решения, потому что приходится учитывать соседа. Для каждого государства желательно быть окруженным как можно более слабыми государствами или как можно меньшим числом других государств-держав. Однако такова наша судьба, что лишь Германия граничит с тремя великими континентальными державами, да к тому же и самыми сильными вблизи от нас, а помимо того, непосредственно соседствует еще и с величайшей морской державой, и всем им она стоит поперек дороги. Такого положения нет больше ни у одной страны в мире.

Отсюда вытекает, во-первых, необходимость особо мощного вооружения. Даже самый крайний пацифист у нас сегодня больше не станет отрицать это. Во-вторых, отсюда следует, что наша политика должна соответствовать нашей географической позиции. Что это значит?

Это значит, прежде всего, что мы не должны заниматься политикой, бросаясь, как сказал бы Бисмарк, камнями в окна, иными словами, не должны руководствоваться эмоциями и выплескивать свои чувства наружу. При обычной ругани по поводу дипломатии постоянно забывают одно обстоятельство: даже самая лучшая дипломатия совершенно бессильна, если политика нации ориентирована неправильно.

Это также означает, что мы обязаны проводить реальную политику, а не политику ненависти. Я не выступаю против ненависти и гнева как таковых. Истинно: нельзя любить высокое, не умея ненавидеть низкое. Германская ненависть, раз укоренившись, становится долговечной. Конечно, Англии было бы нелепостью сделать себе смертельного врага на сто лет, продолжив нынешнюю политику против нас. Несомненно, ошибочным было бы и с нашей стороны пытаться определить политические цели не с точки зрения политических интересов, а руководствуясь чувством пусть даже вполне понятной ненависти. Против нас сильнее всего направлена ненависть Франции. У нас же ненависть целиком сосредоточена на Англии точно так же, как ненависть Австрии направлена исключительно на Италию. Хотя такая ненависть человечески вполне объяснима, однако единственной настоящей причиной ошибок,

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

допущенных, пожалуй, в ходе этой войны, стала необоснованность нашего чувства ненависти.

Реальная политика также означает отказ от политики тщеславия, хвастливого красноречия и напускного величия, предпочтение политики молчаливого действия. Какова же была практика немецкого политического руководства? Например, сравните колониальные приобретения Германии с приобретениями других стран за тот же период времени. Они поистине смехотворно скромны. Но вспомните шумиху, сопровождавшую эти скромные приобретения, словно шла речь о завоевании половины мира. Тогда как другие страны действовали тихо и незаметно. Такое поведение глубоко постыдно с политической точки зрения. Оно стало результатом политической незрелости народа. Тот же феномен проявился и при строительстве флота.

А сегодня война показывает нам ровно то же самое. Говорили о конце английского мирового господства как о военной цели — как будто английское мировое господство покоится на владении Суэцким каналом и подобными вещами, а не на национальном единстве англосаксов, которые заселили значительную часть континентов и которых оттуда никакими силами не выгнать. Или говорили о конце английской власти над морями. Ясно ведь, что даже при наличии равносильного флота мы не смогли бы заблокировать гавань Ливерпуля так, как Англия смогла бы заблокировать Гамбург. Географическое положение Великобритании объективно облегчает блокаду Гамбурга и затрудняет блокаду Ливерпуля. Владение несколькими портами в каналах ничего бы тут не изменило. «Зачем же нам флот?» — серьезно спросили меня вслед за этим вопросом. Нам повезло, что славная морская битва при Скагерраке показала даже простому обывателю, зачем нужны линейные корабли. Без них мы получили бы высадку англичан в Дании. Нам нужен флот, чтобы иметь возможность нанести Англии настолько серьезный удар в случае нападения, что ей придется дважды подумать, прежде чем атаковать нас. И она будет поступать так в будущем. «Но уничтожить друг друга» мы, конечно, не сможем. В Англии, как и у нас, следует прекратить такое пустословное бахвальство.

Открываем воспоминания Бисмарка («Мысли и воспоминания»). Там найдем утверждение, написанное крупным шрифтом, предостерегающее нас от вовлечения в политику тщеславия и призывающее отказаться от попыток выйти за рамки своего географического положения. Сегодня это предупреждение сохраняет силу. Прежде всего, находясь в нашем географическом положении, мы не можем позволить себе политику имперских амбиций.

Еще одно: мы ведем общую федеральную войну. Каждый адмирал знает, что скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля.

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

Применим это правило к политике. По принципиальным жизненным вопросам любого своего союзника мы готовы бороться бесконечно долго. Но не за тщеславные завоевательные интересы, не за немецкую Бельгию или австрийскую Венецию. Наша политика должна оставаться реальной, даже в условиях военного напряжения. Какие позитивные выводы следуют из сказанного?

Прежде всего, из нашего географического положения возникает необходимость дальновидной политики альянсов. Сейчас ни одна мировая держава, даже Россия или Англия, не может обойтись без военных союзов для осуществления мировой политики. Мы нуждаемся в них гораздо больше, чем другие. Самостоятельно защитить себя от врагов мы способны. Но играть активную роль в мировом сообществе — нет.

Возросла потребность выбирать между двумя величайшими мировыми державами — Англией и Россией. Союз не обязателен, но соглашение желательно. Абсолютно необходимо избежать любых дальнейших бессмысленных ограничений нашей свободы выбора, пока это возможно. Мы не позволим ограничить себя несерьезной политикой. Нет никакой уверенности, что мы не создадим вечного противника в лице России. Тем менее желательным будет вариант превращения наших противников из одной Франции во Францию плюс Англию. Потому что в этом случае Россия сможет навязывать нам любые условия взаимопонимания односторонним образом. Она положит нас в карман, сделает своим инструментом.

Любая политика соглашений после войны должна исходить из наших реальных интересов. Итак, какие же они? Чего нам недостает до полного согласия с врагами, исключая эмоции и тщеславие?

Говорят, экономические причины обусловили начало войны. Верно ли это? Где они проявляются у Франции? Италии? Сербии? Румынии? Экономические причины вовсе не были истинными причинами войны. Последние носили преимущественно политический характер. Какие же они были?

Сначала для Франции: безусловно, само наше существование как соседнего государства-державы. Но Франция не сможет изгнать Германию из мира так же, как и мы не сможем изгнать Францию. Возможно заключение мирного договора с Францией, но не заключения союза.

Теперь поговорим об Англии: решающей причиной войны была не конкуренция Германии, а воспринимаемая угроза со стороны нашего флота. Английский простой гражданин боялся опасности высадки десанта. Поскольку Германии нужен лишь оборонительный флот, будущее изменение этой ситуации не исключено. Предварительным условием является фундаментальное изменение морского права. Рано или поздно Англия все равно вынуждена будет

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

согласиться с этим, иначе ей грозит война с нейтральными великими державами при любом последующем военном конфликте. Ведь мы никогда не позволили бы себе терпеть то, чему теперь позволяют себя подвергнуть Америка и другие нейтральные державы. А когда Соединенные Штаты обзаведутся военным и торговым флотом, они тоже перестанут позволять подобное отношение к себе. Еще одно условие состоит в том, что в области колониальной политики Англия должна признать принцип «живи сам и дай жить другим». Нам не нужны захватнические империи вроде разбросанных колоний, нам необходима компактная сфера влияния, подобная той, которой обладают другие страны, не угрожающие никому.

И мы сами на Востоке, а не на Западе будем иметь вне пределов нашей страны культурные обязанности. Будем ли мы сознательно исполнять их или нет, но судьба войны поднимает проблему западных славян, и наша задача становится задачей освобождения малых народов Востока, хотим мы этого или нет.

Одним из лозунгов наших противников стала проблема «малых наций». Мирный договор должен был бы провозгласить право ирландцев, мальтийцев, жителей Гибралтара, Египта, Индии, буров, Индокитая, Марокко, Туниса, арабов Алжира, поляков, украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, финнов, народностей Кавказа — около 350 миллионов чужих народов, которыми управляют наши противники, угнетают и используют в качестве пушечного мяса, выразить свое мнение в свободной волеизъявительной процедуре под контролем гуманного президента Соединенных Штатов, готовы ли они образовывать собственные государства или нет. Мы охотно согласимся с оппонентами, что нельзя доводить любое правило до абсурда. Три рациональных компонента определения государственных границ — военная безопасность, экономические связи и общность национальной культуры — несовместимы друг с другом на карте, и пока существуют государства с армиями и экономической политикой, неизбежны компромиссы между этими принципами.

Сами немцы не владеют чужими территориями ни на западе, ни на востоке, где немецкие и польские деревни перемешаны и расположены рядом, делая разделение невозможным. Четкое отделение национальных групп внутри Австро-Венгрии невозможно ни географически, ни экономически. Единственный выход — создание федерации наций в рамках наднационального государства. Наши противники не могут допустить реализации принципа национальности применительно к своим владениям. Французская империя, русская и английская империи прекратили бы существование, если бы этот принцип был реализован. Напротив, мы обязаны применять его в своих интересах. Мы не навязывали идею государства-державы поверх национальных

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

границ. У нас нет колоний, население которых, подобно индийцам, бирманцам, жителям французских колоний Индокитая, арабам, грузинам, финнам, обладало бы собственной древней культурой.

Но мы тоже — государство-держава. Именно это обстоятельство стало последней главной причиной войны. Потеря нами могущества позволила бы остальным странам свободно поделить мир, сохраняя половину нынешнего размера армий. Это подтверждает правильность утверждений о борьбе против милитаризма. Почему же мы стали государством-державой? Из тщеславия? Нет, из ответственности перед историей. История не спросит отчета у швейцарцев, датчан, голландцев, норвежцев, шведов о формировании культуры Земли. Их никто не упрекнет, если Западная половина планеты станет местом ангlosаксонской конвенции и русской бюрократии. Эти нации не смогли бы предотвратить такое развитие событий. Зато мы смогли. Население численностью в 70 миллионов, находящееся между такими имперскими силами, имело обязательство быть государством-державой. Мы должны были вступить в войну, чтобы участвовать в принятии решений о будущем Земли. Даже если бы мы рисковали проиграть, мы поступили бы правильно, ибо отказ от исполнения долга принес бы нам позор перед потомками и современниками.

Честь нашего народа предписывала это. Ради чести, а не ради изменения карты мира и экономической выгоды — этого мы не забываем — ведется немецкая война. Она касается не только нашего существования. В тени нашей мощи живут малые народы вокруг нас. Что стало бы с автономией скандинавских стран, что стало бы с Голландией и с Тессином, если бы Россия, Франция, Англия, Италия не опасались нашего войска? Только противовес великих держав гарантирует свободу малых государств. Безусловно, эта ответственность — не единственный фактор, стоящий на кону в войне.

Экономически разоренная Германия после поражения выбросила бы продукцию и рабочую силу на мировой рынок, став объектом эксплуатации. Это и есть настоящая «немецкая опасность», ведущая Германию к положению париев. Все зависит от победы. Желаем ли мы избежать риска этой войны? Тогда следовало бы отказаться от объединения Германии и продолжать существовать как совокупность мелких государств. Конечно, французский контроль Эльзаса не обеспечил бы покоя перед лицом угроз Франции, точно так же как отсутствие крупного государства не дало бы покоя перед угрозой самой войны. Войну пришлось бы вести в любом случае: одни воевали бы как члены Рейнского союза за Францию, другие — как сателлиты России за российские интересы или снова становились бы арендой боевых действий, как ранее. Единственным преимуществом отказа от участия в войне было бы отсутствие

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

опыта борьбы за честь Германии. Нас связывала непременная ответственность перед историей, от которой мы не могли уклониться, даже если бы захотели. Нужно постоянно осознавать это, когда задается вопрос о смысле бесконечной войны. Этот исторический вызов поднял немецкий народ над опасностью гибели, направив его по пути чести и славы, путь которого необратим, приведя к суровой реальности мирового исторического процесса, на котором народу предстоит посмотреть в лицо грозной судьбе и оставить вечное наследие будущим поколениям.

«Большой» по численности народ, организованный в государство-державу, одним этим фактом вынужден решать совершенно иные задачи, чем народы вроде швейцарцев, датчан, голландцев или норвежцев. При этом, конечно, совершенно ошибочно мнение, будто «малый» по численности и мощи народ является менее «ценным» или «важным» для суда истории. Просто на него возложены другие обязательства, и именно поэтому он обладает другими культурными возможностями. Вам известны поразительные суждения Яакоба Буркхардта о дьявольском характере власти. Это совершенно последовательная оценка, данная с точки зрения тех культурных ценностей, что имеются в распоряжении народа вроде швейцарцев, которые не могут (и исторически не должны) носить латы великих в военном отношении держав. Но и у нас есть все основания благодарить судьбу за то, что существует германство за пределами мощного национального государства. Не только простые гражданские добродетели и подлинная демократия, нереализуемая в государстве-державе, но и гораздо более интимные и при этом вечные ценности могут расцвести лишь на почве общности, отказавшейся от политического могущества. И даже ценности художественного рода: такой истинный немец, как Готфрид Келлер, никогда не стал бы столь особенным, уникальным, посреди военного лагеря, каковым вынужденно быть наше государство.

А народ, организованный в государство-державу, напротив, не может избежать предъявляемых ему требований. Ведь не датчан, швейцарцев, голландцев и норвежцев будут винить будущие поколения, прежде всего наши собственные потомки, если без борьбы будет разделена мировая держава. В конечном счете это будет означать, что над уникальной культурой будущего установится господство русских чиновников, с одной стороны, и конвенций англосаксонского «society» с другой, вероятно, с оттенком латинского «raison». А винить будут нас, причем по праву. Ведь мы являемся государством-державой, т. е. в отличие от подобных «малых» народов, можем в вопросах истории бросить свой вес на чашу весов. Именно поэтому на нас, а не на них лежит проклятый долг и обязательство перед историей, т. е. перед потомством. Этот долг

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

заключается в том, чтобы остановить затопление целого мира этими двумя державами. Если бы мы отказались от этого долга, то Германская империя оказалась бы дорогой, тщеславной и вредной для культуры роскошью, которую мы не могли бы себе позволить и которую пришлось бы вновь побыстрее устраниć ради «швейцаризации» нашей государственности. А это подразумевает разделение на малые, политически безвластные кантоны, возможно, с дружелюбными к искусству дворами, — в надежде на то, что соседи и далее позволят нам эту уютную заботу о ценностях малого народа, которые отныне должны навсегда стать смыслом нашего существования.

Однако было бы большой ошибкой считать, что политическое образование вроде Германской империи может добровольно перейти к пацифистской политике в том духе, в каком ее культивирует Швейцария, т. е. ограничиться выставлением основательно подготовленного ополчения в случае нарушения своих границ. Политическое образование вроде Швейцарии — хотя и она в случае нашего поражения немедленно оказалась бы в зоне итальянских аннексионных аппетитов — не мешает ничьим политическим планам, по крайней мере в принципе. Не только из-за своей слабости, но и из-за своего географического положения. Однако само существование великой державы, каковой мы теперь являемся, становится препятствием на пути других держав, прежде всего той, где русские крестьяне из-за недостатка культуры страдают от безземелья и где господствуют властные интересы русской государственной церкви и бюрократии. Не предвидится абсолютно никакого средства, чтобы изменить это.

Австрия из всех великих держав наверняка была самой свободной от экспансионистских устремлений и именно поэтому — что часто забывают — оказалась перед самой серьезной угрозой. У нас был выбор: в последний момент помешать этим замыслам или наблюдать за ее разрушением и через несколько лет уйти самим. Если не удастся вновь куда-то направить натиск русской экспансии, то все это сохранится и в будущем. Это судьба, которую никак не изменит пацифистская болтовня. Так же ясно, что без позора мы уже не могли и не можем отказаться от выбора, который сделали при создании империи, как и от долга, который взвалили тогда на себя, — даже если бы захотели.

Пацифизм американских «дам» (обоего пола!) — это воистину самый фатальный «распев», который когда-либо декларировался, причем вполне искренне, на уровне разговора за чаем. С фарисеиством бездельника, зарабатывающего на поставках, его предлагают варварам в окопах. В любом случае, антиимилитаристской «нейтральностью» швейцарцев и их неприятием государства-державы часто обусловлено многое в довольно фарисейском непонимании трагичности исторического долга народа, который организован в

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

великую державу. Но если оставаться достаточно объективным, то за этим видна настоящая сердцевина, отказаться от которой невозможно лишь для нас, имперских немцев.

Евангелие лучше оставить вне этих рассуждений или отнести к нему всерьез. И тогда действует лишь логика Толстого, больше ничего. Кто получает хотя бы пфенниг ренты, которую — прямо или косвенно — вынуждены оплачивать другие, кто владеет предметами пользования или употребляет продукты, пропитанные потом чужого труда, тот живет за счет механизма бездушной и безжалостной экономической борьбы за существование, которую буржуазная фразеология именуют «мирной культурной работой». Это другая форма борьбы человека с человеком, при которой не миллионы, а сотни миллионов из года в год чахнут душой и телом, гибнут или влекут жалкое существование. Такая жизнь действительно лишена какого-либо ощутимого «смысла», не говоря уже об общей борьбе (включающей женщин, которые тоже «ведут» войну, выполняя свой долг) за честь собственного народа, то есть об историческом долге, возложенном на него судьбой.

Отношение Евангелий к этому абсолютно однозначно в важнейших моментах. Они выступают не столько против войны — которую не особенно упоминают, — а в конечном счете против всех закономерностей социального мира, стремящегося быть миром посюсторонней «культуры», т. е. красоты, достоинства, чести и величия «тварного». Кто не следует этой логике — сам Толстой сделал это, лишь подходя к смерти — тот должен знать, что он связан закономерностями посюстороннего мира, которые на необозримое время включают возможность и неизбежность войны за власть. Как и то, что лишь внутри этих закономерностей он может соответствовать «требованию момента». Однако это требование звучало и звучит для немцев Германии иначе, чем для немцев Швейцарии. Так и останется. Поскольку все, что причастно к благам государства-державы, вовлечено в закономерности «прагмы власти», господствующей над всей политической историей.

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2026 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9–11 класс

2. Познакомьтесь с высказыванием Августина Аврелия и выполните задания.

2.1. Как устроен мир, с точки зрения Августина?

2.2. Как называется теория, таким образом объясняющая устройство мира?

2.3. Каково место науки в мире, описанном Августином? Объясните, почему оно именно такое. Что наука как таковая изучает (ищет в изучаемом мире)?

Августин Аврелий
397–398 годы

«Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творения. Ты дал мне не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага...»